

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213502-521>

Исследовательская статья

Атаев Гамзат Дибирович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
ДФИЦ РАН Россия, Махачкала,
Ataevgd@mail.ru

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ЭТАПА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: Статья посвящена изучению памятников позднего этапа каякентско-хорочоевской культуры Дагестана и Чечни. Проблемы, связанные с этнокультурной принадлежностью памятников Дагестана и Чечни и с осмыслением памятников данного периода, остаются дискуссионными. Анализируются различные взгляды по проблемам, связанным с интерпретацией материалов заключительного периода каякентско-хорочоевской культуры. Часть ученых-археологов (В.И. Каневец, В.Г. Котович, В.М. Котович, О.М. Давудов) полагали, что заключительный период каякентско-хорочоевской культуры характеризует самостоятельный период развития культуры бронзового века Дагестана и Чечни или особый период культурно-исторического развития прадагестано-нахско-го или прадагестанского этнического массива. Ряд археологов, и их большинство (Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, М.Г. Гаджиев, М.Х. Ошаев, Г.Д. Атаев, Р.Г. Магомедов, С.Б. Бурков, А.Л. Будайчиев и др.), рассматривают материалы поздних памятников каякентско-хорочоевской культуры как памятники ее позднего периода, генетически связанные с материалами более ранних периодов культуры. Они выступают против характеристики поздних памятников культуры как самостоятельного периода, который не имеет отношения к более ранним памятникам рассматриваемой культуры. Исследования новых памятников каякентско-хорочоевской культуры дали вещественный материал, позволяющий утверждать о том, что взгляды В.Г. Котовича и других не соответствуют действительному положению вещей. Это касается их точки зрения об исчезновении различных форм керамики, многих видов украшений из бронзы и об отсутствии украшений из сурьмы в материалах заключительного этапа КХК. Приведенные данные позволяют считать неправильным выделение самостоятельного талгинского этапа и вычленение из числа более ранних памятников КХК, что дает возможность считать верной точку зрения Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, М.Г. Гаджиева и др., о том, что Талгинский могильник и близкие к нему памятники неразрывно связаны с более ранними памятниками КХК. Рассматриваются вопросы периодизации и хронологии памятников.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ; Дагестан; Чечня; средний и поздний бронзовый век; каякентско-хорочоевская культура; поздний этап; могильник; гробница; каменный ящик

Для цитирования: Атаев Г.Д. Об историческом месте и хронологии памятников позднего этапа каякентско-хорочоевской культуры // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 502-521. doi.org/10.32653/CH213502-521

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213502-521>

Research paper

Gamzat D. Ataev,
 Cand. Sci., Senior Researcher
 Institute of History, Archeology and Ethnography
 Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Ataevgd@mail.ru

BURIAL SITES OF THE LATE KAYAKENT-KHOROCHOY CULTURE: CHRONOLOGY AND CULTURAL SIGNIFICANCE

Abstract. This article examines the burial sites of the late phase of the Kayakent-Khorochoy culture in Dagestan and Chechnya and addresses ongoing debates concerning their ethnocultural affiliation and interpretation. The study analyzes issues related to the understanding of materials from the final phase of the Kayakent-Khorochoy culture. Some archaeologists, including V.I. Kanivtsev, V.G. Kotovich, V.M. Kotovich, and O.M. Davudov, argue that the late phase represents an independent period within the Bronze Age culture of Dagestan and Chechnya or a distinct stage in the cultural and historical development of the Pradagestano-Namen ethnic massif. Conversely, the majority of scholars, such as E.I. Krupnov, V.I. Markovin, M.G. Gadzhiev, M.Kh. Oshaev, G.D. Ataev, R.G. Magomedov, S.B. Burkov, and A.L. Budaichiev, contend that the materials from the late phase sites are genetically linked to earlier phases of the Kayakent-Khorochoy culture. They reject the characterization of the late phase sites as an independent period disconnected from earlier cultural phases. Recent investigations of newly discovered Kayakent-Khorochoy culture burial sites provide evidence supporting the views of V.G. Kotovich and others, particularly regarding the disappearance of various ceramic forms, numerous types of bronze jewelry, and the absence of antimony-based jewelry in the materials from the final phase. These findings challenge the designation of an independent Talginsky stage, suggesting instead that the Talginsky burial ground and related burial sites are integrally connected to earlier Kayakent-Khorochoy culture sites. The article also discusses issues of periodization and chronology of these burial sites.

Keywords: North-East Caucasus; Dagestan; Chechnya; Middle and Late Bronze Age; Kayakent-Khorochoy culture; late phase; burial ground; tomb; stone cist

For citation: Ataev G.D. Burial Sites of the Late Kayakent-Khorochoy Culture: Chronology and Cultural Significance. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 502-521. doi.org/10.32653/CH213502-521

На территории Дагестана и Восточной Чечни исследовано значительное число памятников среднего и позднего бронзового века, характеризующих самобытные культуры Северо-Восточного Кавказа. Ряд проблем, связанных с их изучением, остаются дискуссионными. В частности, вопросы этнокультурного осмысления памятников Дагестана и Чечни, а также интерпретация материалов из памятников заключительного периода каякентско-хорочоевской культуры.

У исследователей бронзового века отсутствуют единые подходы и точки зрения по проблемам, связанным с характеристикой и осмыслением материалов заключительного периода каякентско-хорочоевской культуры, определением их исторического места и хронологии. Часть археологов, занимавшихся бронзовым веком Дагестана и Чечни (В.И. Канивец, В.Г. Котович, В.М. Котович, О.М. Давудов), полагали, что заключительный период каякентско-хорочоевской культуры характеризуется самостоятельным периодом развития культуры бронзового века Дагестана и Чечни, или особый период культурно-исторического развития прадагестано-нахского или прадагестанского этнического массива. Ряд археологов, и они в большинстве (Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, М.Г. Гаджиев, М.Х. Ошаев, Г.Д. Атаев, Р.Г. Магомедов, С.Б. Бурков, А.Л. Будаичев и др.), рассматривают материалы поздних памятников каякентско-хорочоевской культуры как памятники ее позднего периода, генетически связанные с материалами более ранних периодов культуры. Они выступают против характеристики поздних памятников культуры как самостоятельного периода, который не имеет отношения к более ранним памятникам данной культуры.

Исследования новых памятников каякентско-хорочоевской культуры дали вещественный материал, позволяющий утверждать о том, что взгляды В.Г. Котовича и других не соответствуют действительному положению вещей, что ряд их заключений неверен. Это касается как мнения об исчезновении различных форм керамики и многих видов украшений из бронзы, так и суждения о полном отсутствии различных видов украшений из сурьмы в материалах заключительного этапа КХК. Приведенные данные позволяют считать неправильным выделение самостоятельного талгинского этапа и вычленения его из числа более ранних памятников КХК. Последнее дает возможность считать более верной точку зрения Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, М.Г. Гаджиева и др. о том, что Талгинский могильник и близкие к нему памятники неразрывно связаны с более ранними памятниками КХК. В статье также рассматриваются вопросы периодизации и хронологии памятников.

Монографическому исследованию каякентско-хорочоевской культуры посвящены труды В.И. Марковина и В.Г. Котовича. Они обосновали ее преемственную связь на основе изучения погребального инвентаря и выявили большую близость к культуре начального периода среднего бронзового века Дагестана и Чечни и КХК [1, с. 56–59; 2, с. 51–52].

КХК по элементам материальной культуры генетически связывается с культурой предшествующего гинчинско-гатынкалинского этапа, и это привело В.Г. Котовича к осмыслению ее как культуры среднего бронзового века. Он датировал КХК концом эпохи средней бронзы или XV–XIV вв. до н.э., а памятники талгинского типа – ранним периодом позднего бронзового века или XIV–XIII вв. до н.э., и его считал отдельным самостоятельным этапом (не входящим в КХК) в культурно-историческом развитии местного этнического массива [1, с. 69]. Признавая в целом тезис об удревнении культуры правильным, представляется, что необходимо более конкретно и подробнее представить поэтапную хронологию памятников КХК. Как и во всякой культуре, памятники указанной культуры должны подразделяться на ранние и поздние, чего нет в отмеченной работе В.Г. Котовича. С другой стороны, представляется неправомерным рассмотрение КХК не в качестве отдельной культуры бронзового века, а как «этапа в развитии местного этнического массива» [1, с. 68]. На наш взгляд, такой подход к КХК следует признать неправильным. Своё несогласие с датировками В.Г. Котовича высказал С.Н. Корневский, который на основе изучения данных спектрального анализа металлических изделий Гинчинского могильника выделил ранние и поздние комплексы [3, с. 37–45; 4, с. 5–15]. Раннюю фазу С.Н. Корневский относит к эпохе средней бронзы (первая пол. II тыс. до н.э.), а позднюю – к переходному периоду от средней бронзы к поздней (третья четверть II тыс. до н.э.) [4, с. 8–15]. Он также категорически против отнесения КХК к эпохе средней бронзы, потому что «молодую фазу могильника Гинчи, откуда ... происходят булавки» с полукруглой головкой и солярной орнаментацией, которые В.Г. Котович приводил как аналогии фрагментам таких же украшений КХК, правильнее относить к переходному периоду от средней бронзы к поздней [4, с. 14]. Правда, переходный период С.Н. Корневский датирует третьей четвертью II тыс. до н.э. Указанные С.Н. Корневским булавки на самом деле являются подвесками,

которые обнаружены в ряде памятников Северо-Восточного Кавказа конца средней и начала эпохи поздней бронзы. Они были обнаружены в Чиркейском могильнике (погребение 3, курган 1а, группа 3) [5, с. 148–151, рис. 6, 9], в Бельтинском [6, с. 179, 377, рис. 136, 388], в погребении 1 могильника Талги [7, с. 126, 128, рис. 53, 6], в Маджалисе [8, с. 72, 146; 2, с. 69, рис. 27, 18; 1, с. 61, рис. 8, 103], в Тарнаире [9, с. 122, рис. 51, 3; 1, с. 61, рис. 8, 102], в могильнике Каякент [8, с. 72; 2, с. 69, рис. 30, 1; 1, с. 61, рис. 8, 104], могильнике Тахиркала [10, с. 58. Табл. V, 12], Янгикентском могильнике [11, с. 152, 159, рис 3, 24–25], а также в подкурганном склепе № 7 Ирганайского могильника I [5, с. 148–151, рис. 6, 9].

Две золотые подвески, аналогичные вышеуказанным, происходят из могильника Кафыр-Кумух, одна бронзовая – из Кадара. Раньше их считали булавками [2, с. 69; 12, с. 139–144; 1, с. 61]. Но выявление целых находок таких подвесок свидетельствует о правоте А.П. Круглова, который интерпретировал их как секировидные подвески [8, с. 72].

Как видно, С.Н. Кореневский против отнесения КХК к эпохе средней бронзы и даты XV–XIV вв. до н.э., предложенной В.Г. Котовичем. Совершенно правомерным представляется выделение переходного периода от средней бронзы к поздней, однако омоложения им дат КХК представляется нам ошибочным.

О.М. Давудов полностью поддержал точку зрения В.Г. Котовича и в своих работах [13, с. 55–61; 14, с. 48–52; 15, с. 94–95] считал памятники «талгинского» типа самостоятельным периодом развития культуры бронзового века, не связанного с КХК. Другой точки зрения придерживался М.Г. Гаджиев, характеризовавший памятники «талгинского» типа как относящиеся к заключительному периоду КХК.

В.И. Марковин не поддержал мнение В.Г. Котовича о нарушении на «талгинском» этапе преемственности в развитии керамики. Он писал: «Мы бы продлили эту «линию» и к более позднему времени, так как «разрыв», не столь уж сильно ощутим. Но в данном случае важен сам факт преемственной связи с более древним периодом... Представляется, что данный этап неотделим от предшествующего времени. В недрах его происходит затухание ярких черт культуры. Крупнолопастные подвески исчезают, огрубляются волюты булавок, обмазка на керамике приобретает декоративный характер» [16, с. 351–352]. В.И. Марковин, как видим, против того, чтобы памятники талгинского типа рассматривались не как поздний этап в развитии КХК, которые В.Г. Котович считал отдельным самостоятельным этапом в развитии местного этнического массива. Но, с другой стороны, он также ошибочно полагал, что в это время почти исчезают крупнолопастные подвески и был неправ, когда отмечал, что огрубляются волюты булавок. Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, это были секировидные подвески, а не булавки.

Выводы В.Г. Котовича не находят подтверждение в выявленных за последние 50 лет материалах археологических раскопок. В могильнике Тахиркала найдено три целых и три сосуда в обломках керамики 1-го типа и пять 2-го типа (рис. 2, 11, 14, 15) [10, с. 53–54, табл. IV, 1, 2, 4]. В ящике у с. Нижний Дженгутай найдено четыре сосуда 1-го типа и одна плошка-миска (7-го типа по В.И. Марковину) (рис. 3, 1–5) [13, с. 55, рис. 5, 1–5]. В ящике из Янгикента выявлено четыре сосуда 1-го типа и одна плошка-миска (7-го типа по В.И. Марковину) (рис. 4, 27–31) [11, с. 149, рис. 2, 1–4]. В ящике могильника Канабур-ауз встречена керамика 1-го типа в пяти экземплярах (рис. 5, 30–34) [17, с. 84, рис. 6, 1–5].

В.Г. Котович указывал, что баночные сосуды на позднем этапе КХК являлись руководящим типом керамики. В памятниках позднего периода КХК найденный инвентарь не подтверждает его выводы. В Янгикентском ящике баночные сосуды отсутствовали. В ящике из Нижнего Дженгутая открыто четыре сосуда 1-го типа и одна плошка. В могильнике Тахиркала выявлено шесть сосудов 1-го типа, семь 2-го и пять баночных. В каменном ящике могильника Канабур-ауз обнаружено пять сосудов 1-го типа [17, с. 84, рис. 6, 1–5]. Сосуды баночного типа не найдены. Следует указать, что сосуды 1-го типа ранее были найдены в могильниках Талги (1 экземпляр) и Кабартыкутан (1 экземпляр) [7, с. 130, рис. 54, 2; 18, с. 161, рис. 3, 4].

Отметим, что выводы В.Г. Котовича о керамике поздних памятников КХК нельзя признать правильными, так они не соответствуют действительному положению вещей.

Все это относится также и к выводам В.Г. Котовича об изделиях из металла, в частности из бронзы, о нарушении их развития, среди которых указывались пластинчатые подвески, наконечники украшений и др. Пластинчатые височные подвески открыты в могильниках Тахиркала (8 экз.) (рис. 2, 8) [10, с. 58, табл. V, 4], Нижний Дженгутай (3 экз.) (рис. 3, 1, 2) [13, с. 55, рис. 6, 1, 2], Янгикент (4 экз.) (рис. 4, 16–18) [11, с. 151, рис. 3, 16–18], Канабур-ауз (1 экз.) (рис. 5, 17) [17, с. 84, рис. 7, 23], Ачису III (1 экз.) (рис. 6, 3)

[19, с. 52, 53, рис. 6,3] и в других. Не прав был В.Г. Котович, указывая на исчезновение полусферических и конусовидных колпачков [1, с. 62], которые выявлены в могильниках Тахиркала (1 экз.) (рис. 2, 9) [10, с. 58, табл. V, 11], Янгикент (6 экз.) (рис. 4, 2–7) [11, с. 151, рис. 3, 2–7], Канабур-ауз (2 экз.) (рис. 5, 15, 16) [17, с. 84, рис. 7, 22] и в других памятниках.

Также противоречит фактическим данным точка зрения В.Г. Котовича об исчезновении наконечников трубочек из бронзы, являвшихся украшениями, как головного убора, так и нагрудными украшениями. Об этом свидетельствуют находки подобных украшений, выявленных в Дагестане в последнее время. Они найдены в могильниках Янгикент (6 экземпляров) (рис. 4, 9–14) [11, с. 151, рис. 3, 9–14], Канабур-ауз (1 обломок бронзовой трубочки, 11 целых и 30 крупных и мелких фрагментов прямоугольных гофрированных двойных пластин с отверстиями для тесьмы) (рис. 5, 2 А, 2 Б) [17, с. 84, рис. 7, 24, 8, В].

Рассматривая различные виды украшений одежды из памятников талгинского типа, В.Г. Котович подчеркивал полное исчезновение разнообразных сурьмяных украшений одежды [1, с. 87]. С таким заключением также невозможно согласиться, так как разнообразные украшения одежды из сурьмы обнаружены в двух памятниках. Об этом красноречиво свидетельствуют находки сурьмяных украшений в могильнике Тахиркала, где они выявлены в большом разнообразии – удлинённо-цилиндрические бусы (26 экземпляров), мелкие округленные плоские бусы (4 экземпляра), две двувальные бляшки (2 экземпляра), квадратная массивная пряжка (1 экз.) (рис. 2, 5, 10) [10, с. 58, табл. V, 1, 6].

Как видно заключения В.Г. Котовича об исчезновении сосудов 1-го и 2-го типов, различных украшений из бронзы и сурьмы в памятниках талгинского типа противоречат фактическому положению вещей, что свидетельствует о неправильности его мнения о самостоятельном талгинском этапе, не входящем в КХК. В этом вопросе правы те исследователи, кто рассматривает памятники талгинского типа как отражающие поздний этап развития КХК.

Рассмотрим вопросы, связанные с хронологией памятников талгинского типа. В.И. Марковин в монографии 1969 г. датировал памятники КХК от 1300 гг. до н.э. и до 800 гг. до н.э. Им были выделены три периода в развитии культуры: 1 – 1300–1100 гг. до н.э.; 2 – 1100–900 гг. до н.э.; 3 – позже 900 гг. до н.э. – близкие скифскому времени [2, с. 79–85]. Памятники периода расцвета КХК (классические) В.И. Марковин датировал XI–IX вв. до н.э.

В.Г. Котович в монографии 1982 г. памятники КХК (так называемые «классические» памятники – Каякентский, Берикейский, Маджалисский, Таркинский и другие могильники в Дагестане, Хорочоевский, Белгатовский, Даргоевский, Ишхойюртовский и другие могильники в Чечне) датировал XV–XIV вв. до н.э. и относил к концу эпохи средней бронзы [1, с. 116–117]. Памятники же талгинского типа представляют собой, по мнению В.Г. Котовича, последующий – талгинский – этап в развитии местного этнического массива, в связи с чем они были отнесены им к эпохе поздней бронзы (ПБ-1) и датировались XIV–XIII вв. до н.э. [1, с. 93, 116–117]. Он допускал в будущем удревнение его нижней (булавка в Маджалисе и ранняя радиоуглеродная дата – 1740 ± 60 гг. до н.э. – кафыркумукской гробницы), и верхней (в связи удревнением культур поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа) даты [1, с. 70].

Вначале его поддержали некоторые дагестанские коллеги (М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, В.М. Котович). Большинство же ученых, занимающихся проблемами эпохи средней и поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа, были не согласны с ним, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, В.И. Козенкова настаивали на отнесение КХК к эпохе поздней бронзы, датируя ее концом II тыс. до н.э. и даже началом I тыс. до н.э. Несколько позже у вышеназванных исследователей несколько изменились взгляды в сторону удревнения хронологии КХК.

В работе 1994 г. В.И. Марковиным была предложена новая хронология и трехэтапная периодизация КХК. 1-й – от 1600 до конца 1500 г. до н.э., когда «появляются отличительные, этнодифференцирующие черты культуры; 2-й – от конца 1500 г. до 1250 г. до н.э., «время расцвета всех характерных черт культуры»; 3-й – от 1250 и почти до 1000 г. до н.э. – талгинский и зандакский этапы, «время заката культуры» [16, с. 351–352]. Последний поздний этап, по мнению В.И. Марковина, неразрывно связан с ранними этапами [16, с. 351–352]. Как видно, эта схема под влиянием разработок В.Г. Котовича, является новым положительным шагом в вопросах хронологии и может служить подспорьем для дальнейших работ в этой области. Однако следует заметить, что здесь представлены очень длинные хронологические периоды. С другой стороны, вряд ли оправданно говорить о КХК как таковой, на так называемом «зандак-

ском этапе. Но, тем не менее, важен сам по себе факт признания В.И. Марковиным хронологической схемы В.Г. Котовича и его тенденции к удревнению КХК.

В целом, можно согласиться с В.И. Марковиным, что талгинский этап неотделим от предшествующего, но вызывает недоумение, что им приведены даты В.Г. Котовича из его ранней работы [20, с. 70–76], а другая более древняя дата – XIV–XIII вв. до н.э. (ПБ-I) в изданной позднее статье В.Г. Котовича и О.М. Давудова [21, с. 38–54] и в монографии 1982 г. не приводится [1, с. 117]. С другой стороны, В.И. Марковин прав, когда высказывается против рассмотрения памятников талгинского этапа в отрыве от «классических» памятников КХК. Он отмечал, что этап, выделенный В.Г. Котовичем, мало отличается от времени В.И. Марковина для всей КХК (с комплексами талгинского типа). «Что же касается аналогий, приводимых им для «этапных памятников», то они кажутся беглыми и не очень прочными (с одной стороны, Северный Кавказ, с другой – Передний Восток) [16, с. 336].

Здесь следует подчеркнуть, что на самом деле некоторые аналогии, приведенные В.Г. Котовичем, являются беглыми. Но во всяком случае они более обоснованы, чем те, которые приводит В.И. Марковин в двух своих работах, как в работе 1969 г. [2], так и в 1994 г. [16, с. 336], где отсутствуют какие-либо сводные и сравнительные таблицы. В этом отношении работа В.Г. Котовича является более убедительной. Приводя аналогии с Ближнего Востока, В.Г. Котович не делает это прямолинейно и механистично, как это приписывает ему В.И. Марковин, а делает это всего лишь для того, чтобы показать истоки происхождения некоторых категорий материальной культуры КХК. В своей монографии Р.Г. Магомедов несколько удревнил верхние пределы функционирования Гинчинского и Ирганайского могильников, нежели те датировки, которые предлагал в свое время М.Г. Гаджиев. Им предложены верхние даты – XIV в. до н.э. и XIV–XIII вв. до н.э. соответственно для Гинчинского и Ирганайского могильников, с чем в принципе можно согласиться [6, с. 172–173]. С другой стороны, мы не можем согласиться с его датами – 3-я четверть II тыс. до н.э. и 4-я четверть II тыс. до н.э. предложенных соответственно для переходного периода от эпохи СБ к ПБ и эпохи поздней бронзы. Хотя следует отметить, что им хорошо и довольно убедительно вслед за М.Г. Гаджиевым показана близость и преемственная связь ранних комплексов КХК и предшествующей ГК [6, с. 175–180].

Материалы из Янгикентского каменного ящика М.С. Гаджиев и А.А. Кудрявцев датировали XIII–XI вв. или XIII–XII вв. до н.э. [11, с.153]. Авторы отмечали, что найденный «кинжал является надежной основой (относительно современного уровня знаний) для определения даты данного комплекса, близких ему «классических» памятников КХК и для последующей разработки хронологии памятников эпохи средней бронзы – начала раннего железа рассматриваемого региона» [11, с. 153]. Все это дало возможность им датировать «клинок и каменный ящик XIII–XI вв. до н.э., возможно уже – XIII–XII вв. до н.э., и отнести к этому времени круг «классических» каякентско-хорочоевских памятников, близких к описанному комплексу, и поддержать традиционную точку зрения на КХК, как культуру позднебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа» [11, с. 154]. Приведенное мнение М.С. Гаджиева и А.А. Кудрявцева, на наш взгляд не является правильным и объективно отражающим действительное положение вещей, в данном случае, в вопросах хронологии и периодизации памятников КХК. Во-первых, инвентарь каменного ящика из Янгикента неверно относить к кругу «классических» памятников КХК, так как в указанных памятниках совершенно отсутствуют бронзовые клинки кинжалов, аналогичных янгикентскому, т.е. клинки с отверстиями для крепления рукояти. Отмеченные клинки характерны для памятников позднего этапа КХК, т.е. талгинского типа, в то время как для памятников расцвета данной культуры были характерными плоскочерешковые клинки. Во-вторых, не совсем понятна датировка каменного ящика из Янгикента XIII–XI вв. до н.э. и отнесение его к кругу «классических» памятников культуры. Ведь В.И. Марковин в монографии 1969 г. датировал этим временем переходные погребения с признаками памятников начала среднего бронзового века, так и с признаками, характерными для КХК [2, с. 80–81, 85]. «Классические» памятники КХК он датировал 1100 – 900 гг. до н.э. [2, с. 81–82, 85]. Но уже в 1994 г. он датировал «классические» памятники КХК 1500–1250 гг. до н.э. [16, с. 352]. В-третьих, невозможно согласиться с заключением М.С. Гаджиева и А.А. Кудрявцева, сделанным на основании изучения всего лишь одного каменного ящика и найденного здесь кинжала, о том, что он послужит довольно надежной основой датировки памятников целой культуры. Не представляется правильным отводить длительные хронологические рамки (300 лет) для одного погребения в каменном ящике. Рассматриваемый инвентарь,

в особенности клинок кинжала и др., позволяет определить более узкую датировку комплекса от середины XIV в. и до конца XII в. до н.э.

О.М. Давудов считает КХК культурой среднего бронзового века, а комплекс из Янгикента относит к памятникам талгинского типа, т.е. к периоду поздней бронзы. О.М. Давудов и Г.Д. Хангишиев кинжал с отверстиями из Гюхракского могильника и другой инвентарь датировали XIII в., а могильник в целом – XIV–XIII вв. до н.э. Таким же временем они датировали находки из Нижнего Дженгутая [13, с. 60]. Нам представляется, что, хотя М.С. Гаджиевым и А.А. Кудрявцевым правильно подобраны некоторые аналогии из Каякентского и других памятников КХК, в целом прав О.М. Давудов, который синхронизировал янгикентский комплекс с памятниками талгинского типа [14, с. 51–52, Рис. 17].

Исходя из всего вышеизложенного и принимая во внимание разработки В.Г. Котовича, В.И. Марковина, М.Г. Гаджиева, С.Н. Корневского, В.Б. Виноградова, О.М. Давудова, Г.Д. Атаева, Р.Г. Магомедова, Ш.М. Давудова и др. для Северо-Восточного Кавказа, а также новейшие разработки В.И. Козенковой [22, с. 74–106; 23, с. 5, 6, 114; 24, с. 75–87; 25, с. 118–134], Б.В. Техова [26, с. 14–184; 27, с. 112–297], К.Н. Пицхелаури [28, с. 59–140; 29, с. 243–245], Г.К. Кавтарадзе [30, с. 135–148], А.Г. Рамишвили [31, с. 47–56], В.А. Трифонова [32, с. 44–49; 33, с. 71–82], Гаджиева М.Г., Магомедова Р.Г., Ф. Кола, Д. Стронаха [35, с. 50–51; 36, р. 47–122], С. Райнхольд, А.Б. Белинского, Б.Х. Атабиева [34, с. 405–455] и др., а также раскопки новых памятников на Северо-Восточном Кавказе и полученные по их результатам новые радиоуглеродные даты, мы можем предложить свою периодизацию поздней, II фазы эпохи средней бронзы и всей фазы поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа: II фаза эпохи средней бронзы – (II четверть II тыс. до н.э.) I ступень (конец эпохи средней бронзы (XVII в. до н.э.); II ступень (I этап переходного периода, I половина XVI в. до н.э.) II фаза эпохи поздней бронзы (II половина XVI в. – XV в. до н.э.) I ступень (II этап переходного периода, II половина XVI в. до н.э.).

Периодизация КХК:

I – ранний период – 1700–1600 гг. до н.э., время появления отличительных этнодифференцирующих признаков;

II – средний этап – 1600–1400 гг. до н.э., время расцвета культуры;

III – поздний этап – 1400–1200 гг. до н.э. – время заката культуры; (табл. 1, 2, 3).

Мы привели хронологию и периодизацию КХХ, основываясь на традиционной датировке, но, с другой стороны, нами учитывались и имеющиеся радиоуглеродные даты, в том числе и калиброванные.

В развитии КХК намечаются три фазы: ранняя, средняя и поздняя. Генезис ее приходится на конец эпохи средней бронзы. Основное развитие происходит в переходный период и вначале эпохи поздней бронзы, в конце эпохи поздней бронзы она угасает и трансформируется в культуру финального периода эпохи поздней бронзы – в зандакскую и мутерганскую. Более наглядно это проиллюстрировано на таблицах развития инвентаря и хроноиндикаторов КХК на территории Северного, Центрального и Южного Дагестана (табл. 1, 2, 3).

Часть погребений Таркинского могильника относится к концу среднего этапа и смыкается с поздним (появляются в большом количестве баночные реповидные сосуды, возникшие под влиянием степей).

Интерес представляют работы исследователей по уточнению хронологии памятников бронзового века центральных и северо-западных областей Северного Кавказа на основе большой серии радиоуглеродных дат. Здесь, в первую очередь, следуют упомянуть работу В.А. Трифонова [32, с. 44–49; 33, с. 71–82] и, в особенности, Райнхольд С., Белинского А.Б., Атабиева Б.Х. по определению периодизации и хронологии памятников позднего бронзового века в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях, а также других исследователей [34, с. 405–455]. Первым удачную попытку сделать поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа на основе дендрохронологического датирования предпринял В.А. Трифонов. Он подчеркивал, что «важнейшим результатом дендрохронологического датирования стало подтверждение достоверности калиброванных радиоуглеродных дат, к которым в отечественной археологии сложилось преувеличенно скептическое отношение [32, с. 44]. Памятники КХК включены им в период от 2200 и до 1800 гг. до н.э. с учетом калибровки [33, с. 71–82]. Исходя из его разработок памятники позднего этапа КХК могут быть датированы в пределах 1800–1700 гг. до н.э. В.А. Трифонов отмечал, что «предложенные поправки к хронологии культур Северного Кавказа ... приемлемы только как ориентиры к определению основных хронологических рубежей и не являются датировкой культур, требующей значительно более

детального обоснования» [32, с. 48–49]. Работа В.И. Трифонова послужила толчком впоследствии к более детальным разработкам хронологии древностей Северного Кавказа.

Особый интерес имеют для нашей темы исследования С. Райнхольд, А.Б. Белинского, Б.Х. Атабиева, посвященные изучению памятников позднего бронзового века Центрального Кавказа [34, с. 405–455]. Ими разработана периодизация и хронология позднего бронзового века Кавказа, которая базируется на большой серии радиоуглеродных дат. Она будет обязательно учитываться в будущих исследованиях по определению периодизации и хронологии памятников Дагестана и Чечни не только позднего этапа КХК, но и всей хронологии культуры. Это же относится и к периоду финального этапа позднего бронзового века – (XII–X вв. по традиционной хронологии) – ПБ-II по В.Г. Котовичу и О.М. Давудову, то есть к начальному периоду бытования зандакской и мугерганской культур.

К сожалению, мы имеем всего две радиоуглеродные даты. Первая – радиоуглеродная дата для кафыркумукской гробницы – 1740 ± 60 гг. до н.э. – единственная дата, характерная для памятников переходного типа от культур раннего этапа среднего бронзового века к КХК, т.е. раннего этапа КХК, и в контексте данной статьи она не может помочь прояснить хронологию поздних памятников КХК. Для памятников КХК и, в частности, талгинского типа у нас имеется одна радиоуглеродная дата – для верхнего слоя Верхнегуньбского поселения – 1250 ± 50 до н.э., которая хронологически соответствует позднему этапу КХК. Вышеприведенная дата может документировать верхний предел могильников Гинчи–Ирганай. Учитывая все вышесказанное, отметим, что пока не представляется возможным соотнести периодизацию КХК с периодизацией позднего бронзового века Кавказа предложенной С. Райнхольд, А.Б. Белинским, Б.Х. Атабиевым из-за отсутствия большой серии радиоуглеродных дат. С другой стороны, следует указать на самобытность и локальные черты культуры как позднего, так и среднего бронзового века Дагестана и Восточной Чечни, о которых писали А.П. Круглов, А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.Г. Котович и др. В раннем и среднем бронзовом веке в Дагестане и Восточной Чечне были распространены совершенно отличные культуры от тех, что бытовали в центральных и западных областях Северного Кавказа, поэтому преемственных черт в развитии культуры в местных памятниках позднего бронзового века с культурой сопредельных областей не наблюдается. Все сказанное заставляет нас в первую очередь учитывать внутренние закономерности развития местных культур, бытовавших в эпоху бронзы на территории Дагестана и Чечни.

К третьему, позднему этапу относятся памятники: могильники Талги, Мискинбулак, Кабартыкутан, Тахиркала, Гюхрак, Нижний Дженгутай, Канабур-ауз, Янгикент, Ачису III, поселение Нютюг, комплекс находок из с. Инчхе и др. К памятникам ранней ступени следует отнести: Талги, Кабартыкутан, Нижний Дженгутай. К поздней ступени относятся: Гюхрак, Тахиркала, Янгикент, Ачису III, Нютюг, находки из с. Инчхе и др., когда появляются кинжалы с отверстиями для рукояти, массивные браслеты, низкие сосуды-банки с обмазкой и др. Итак, начальный период бытования КХК приходится на конец эпохи средней бронзы, а основное развитие относится к переходному периоду от СБ и ПБ и к ПБ.

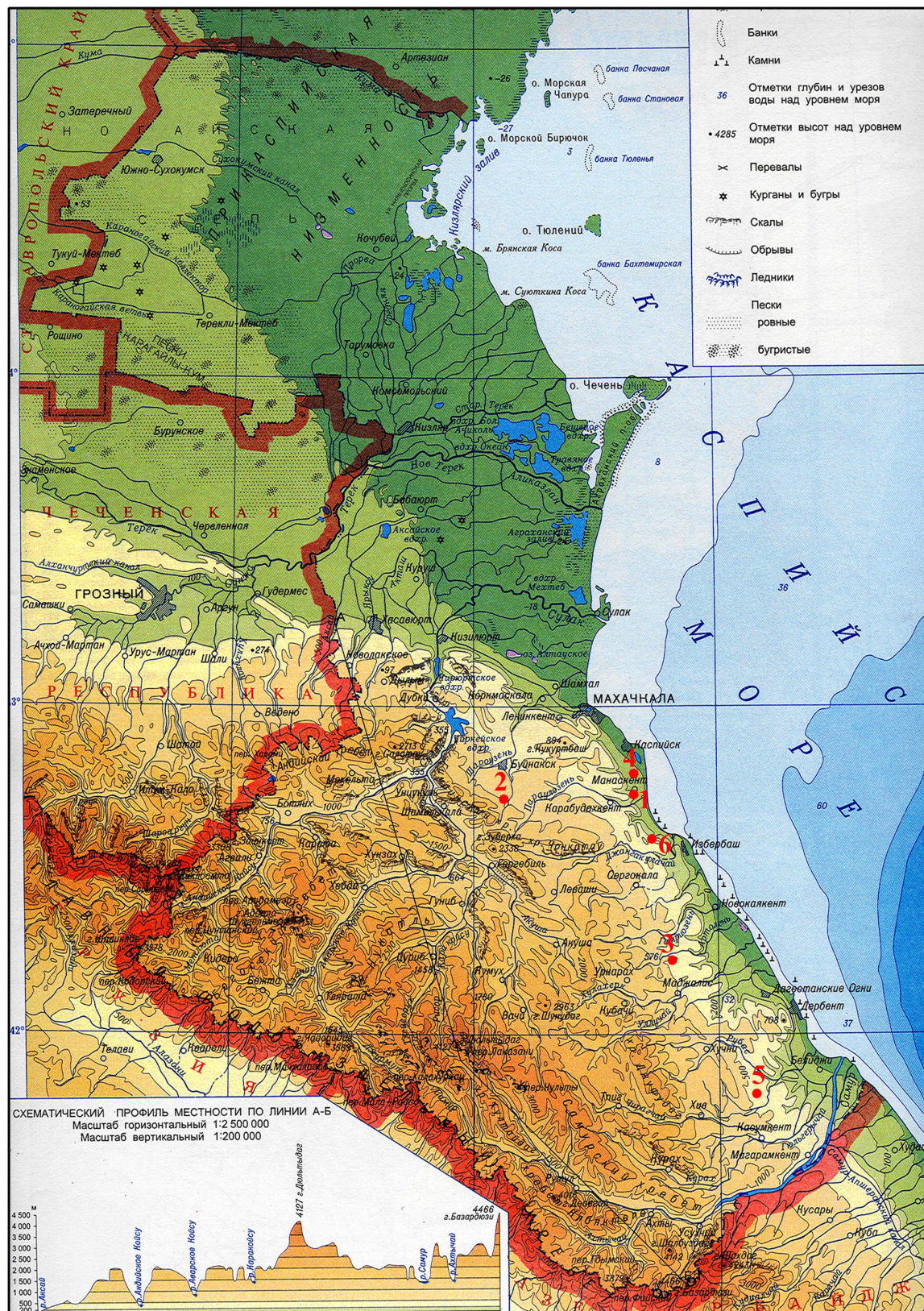

Рис. 1. Карта Дагестана с указанием археологических памятников эпохи поздней бронзы.

1 - могильник Тахир-кала; 2 - могильник Нижний Дженгутай;
3 - могильник Янгикент; 4 - могильник Канабур-Ауз; 5 - могильник Гюхрак; 6 - могильник Ачису III.

Fig. 1. Map of Dagestan indicating archaeological burial sites of the Late Bronze Age.

1 - Tahir-Kala burial site; 2 - Nizhny Dzhengutay burial site;
3 - Yangikent burial site; 4 - Kanabur-Auz burial site; 5 - Gyukhrak burial site; 6 - Achisu III burial site

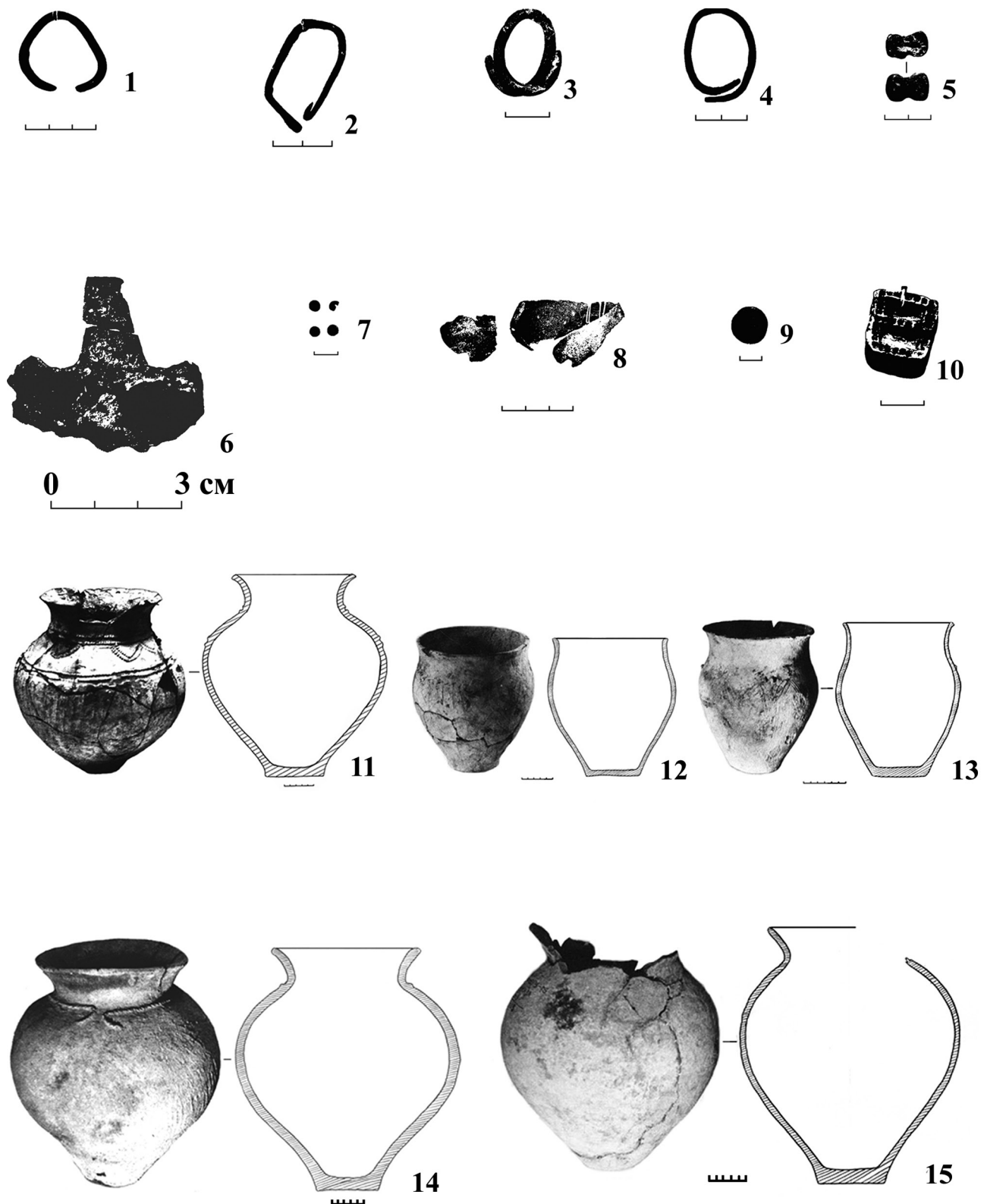

Рис. 2. Тахиркалинский могильник. Инвентарь.
1-10 - украшения (1-4, 6-9 - бронза, 5, 10 - сурьма); 11-15 - керамика. (по А.Р. Магомедову)

Fig. 2. Tahir-Kala burial site. Grave goods.
1-10 – ornaments (1-4, 6-9: bronze; 5, 10 - antimony); 11-15 – ceramics (After A.R. Magomedov)

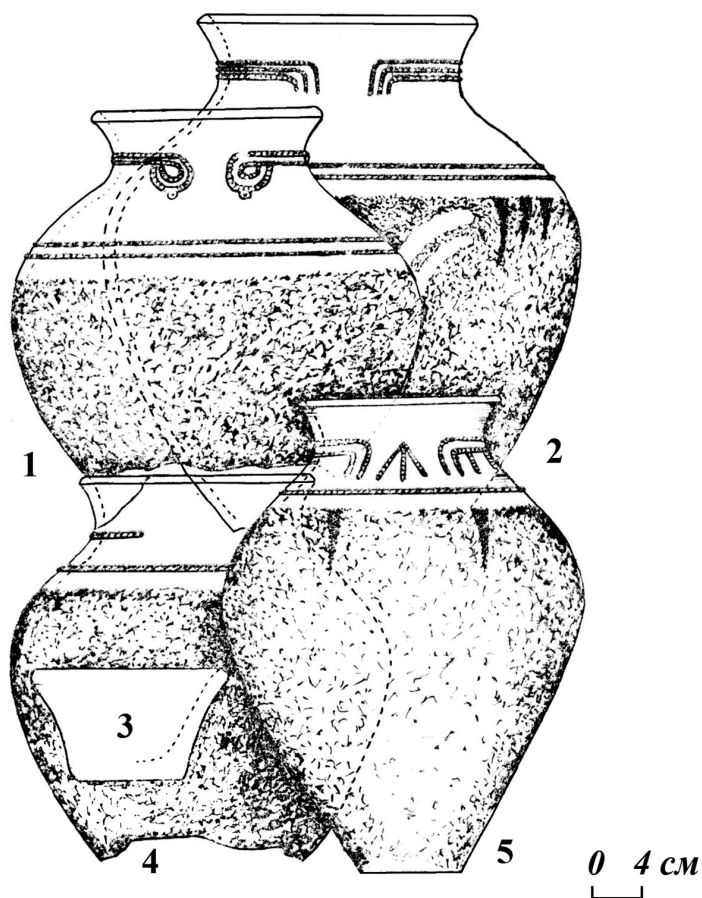
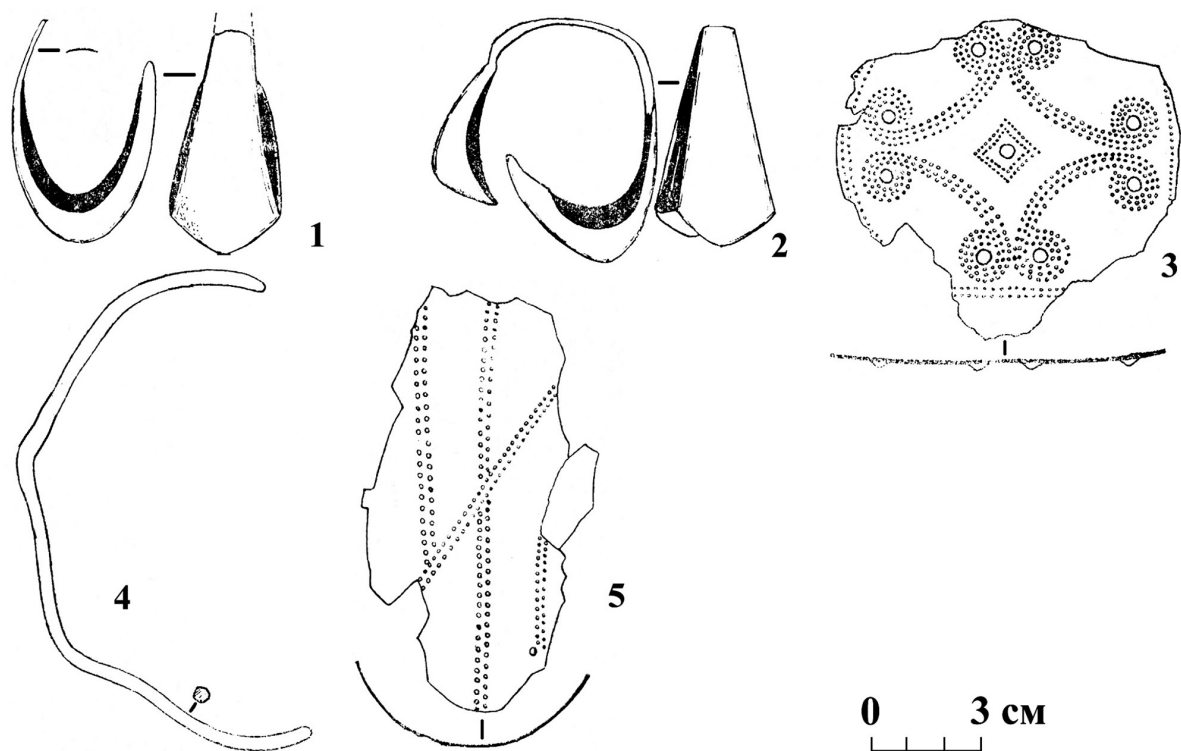

Рис. 3. Нижнеджугутаевский могильник. Инвентарь.
1-5 - украшения из бронзы; 6-10 - керамика. (по О.М. Давудову и Г.Д. Хангишиеву)

Fig. 3. Nizhny Dzhengutay burial site. Grave goods.
1-5 – bronze ornaments; 6-10 – ceramics (After O.M. Davudov and G.D. Khangishiev)

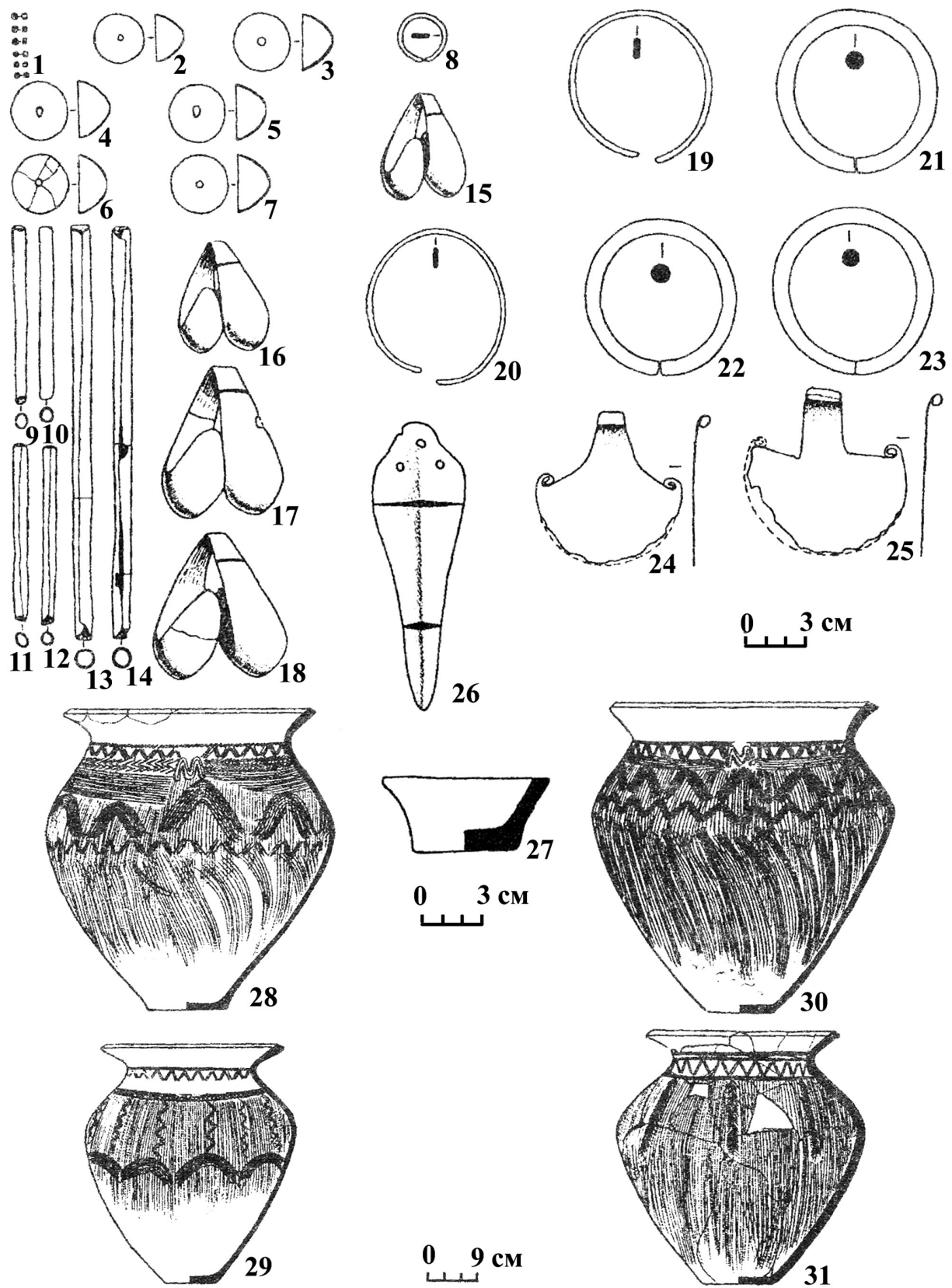

Рис. 4. Могильник Янгикент. Инвентарь из захоронения.
1 - паста; 2-26 - бронза; 27-31 - керамика. (по М.С. Гаджиеву и А.А. Кудрявцеву)

Fig. 4. Yangikent burial site. Grave goods from a burial.
1 - paste; 2-26 - bronze; 27-31 - ceramics (After M.S. Gadzhiev and A.A. Kudryavtsev)

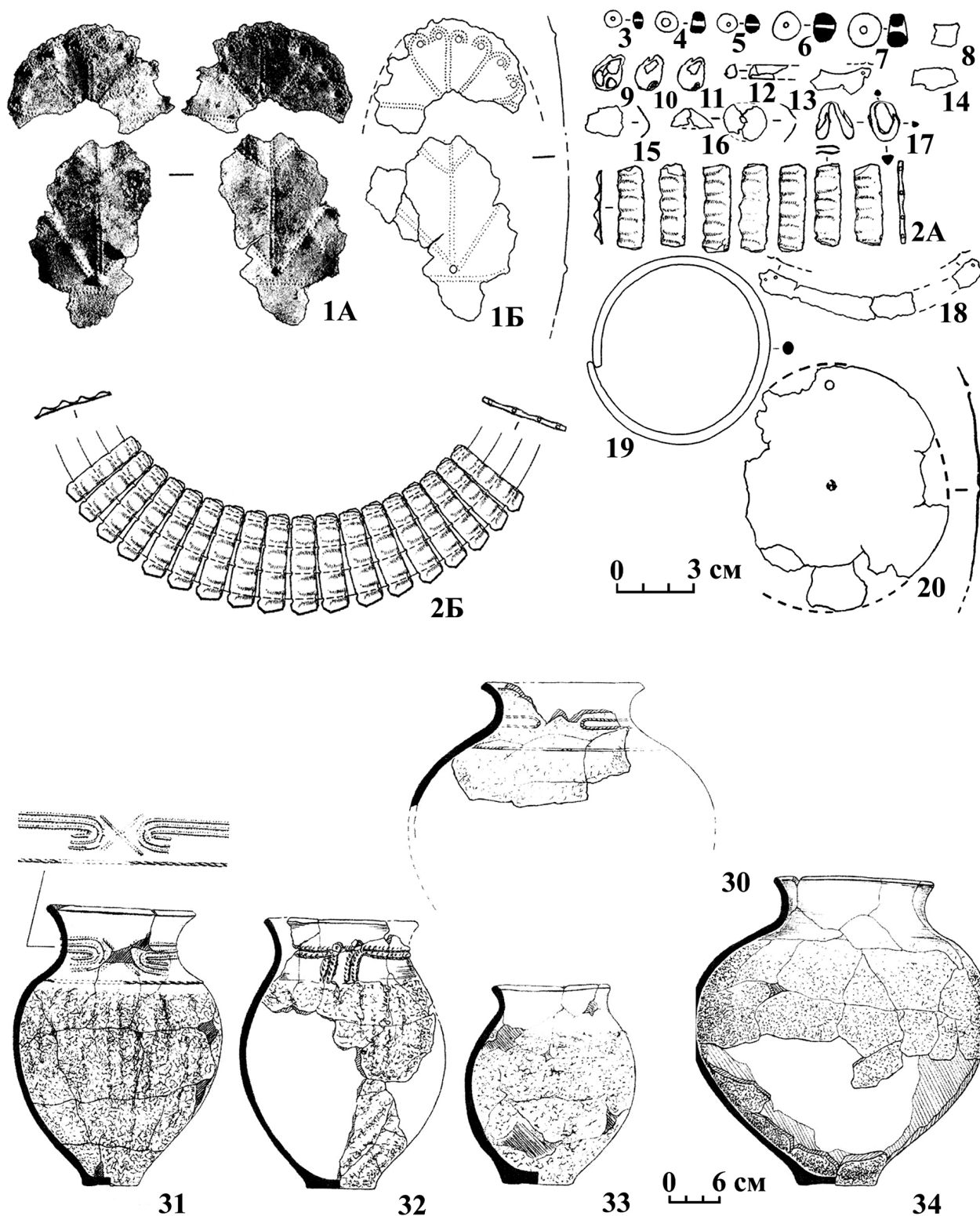

Рис. 5. Могильник Канабур-Ауз. Инвентарь погребения из нижнего уровня каменного ящика (погребения 2 и 3). 1-29 - инвентарь погребения 2 (украшения и предметы вооружения из бронзы); 30-34 - керамика из погребений 2 и 3. (по М.А. Бакушеву, М.С. Гаджиеву и Ш.О. Давудову)

Fig. 5. Kanabur-Auz burial site. Grave goods from the lower level of stone cists (Burials 2 and 3). 1-29 – grave goods from Burial 2 (bronze ornaments and weapons); 30-34 – ceramics from Burials 2 and 3 (After M.A. Bakushev, M.S. Gadzhiev, and Sh.O. Davudov)

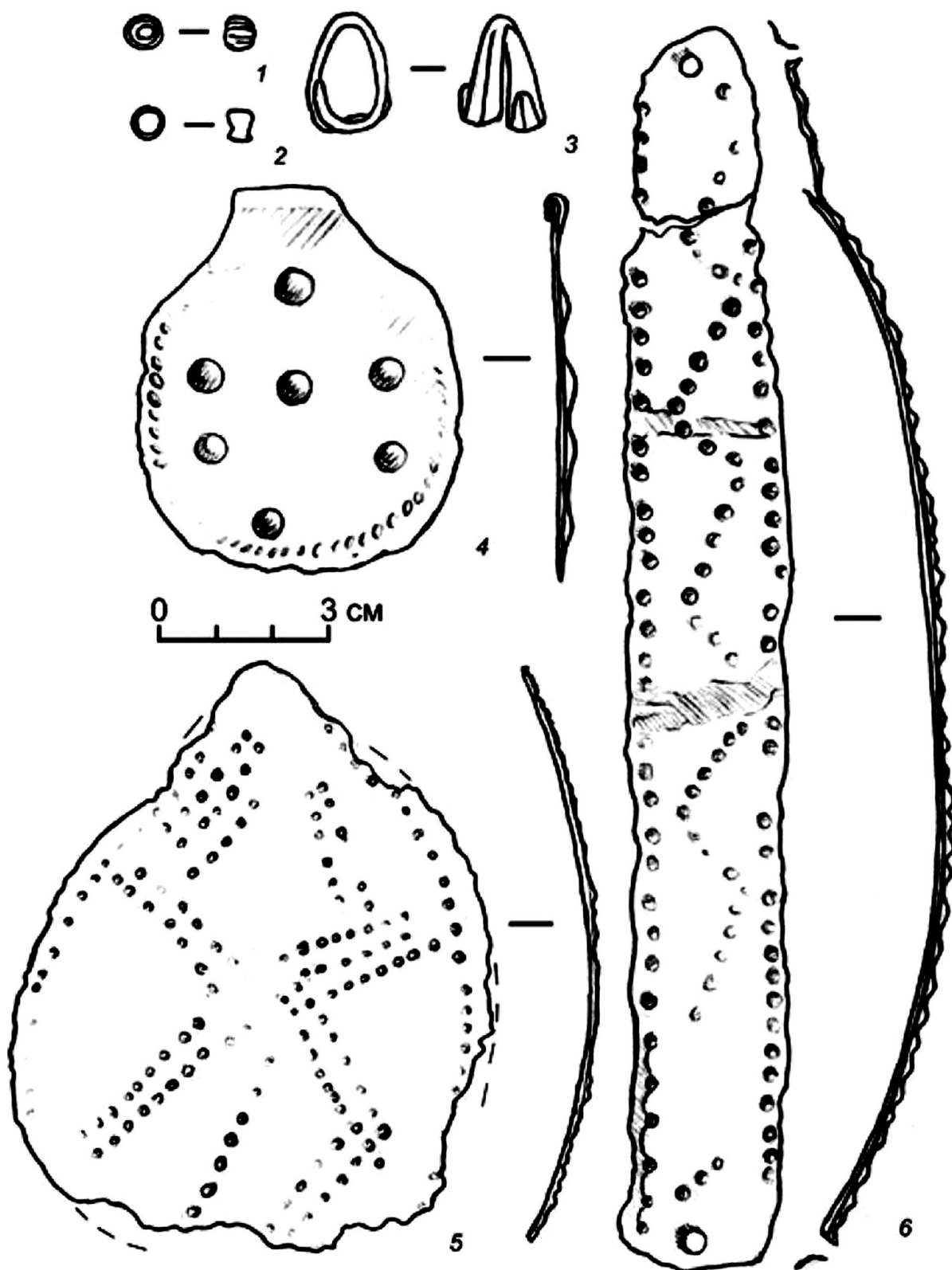

Рис. 6. Могильник Ачису III. Находки из каменного ящика 2.
1 - паста; 2-6 - бронза (по Р.Г. Магомедову, М.С. Гаджиеву, Ш.О. Давудову, В.А. Саидову, А.Л. Будайчиеву)

Fig. 6. Achisu III burial site. Finds from Stone Cist 2.
1 - paste; 2-6 - bronze (After R.G. Magomedov, M.S. Gadzhiev, Sh.O. Davudov, V.A. Saidov, and A.L. Budaichiev)

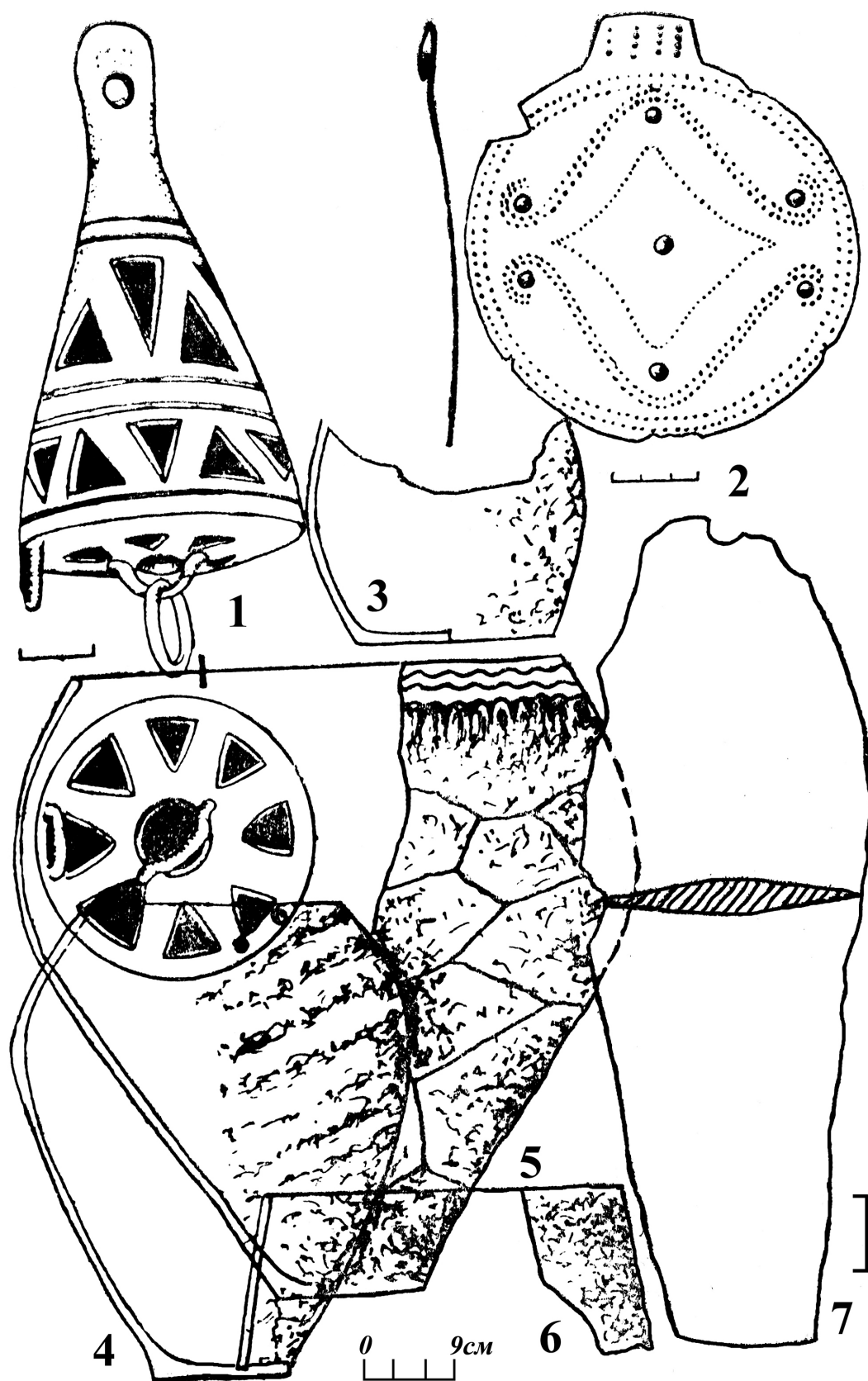

Рис. 7. Гюхракский могильник. Инвентарь. 1 – колокольчик;
2 – бляха; 3-6 – сосуды; 7 – кинжал

Fig. 7. Gyukhrak Burial Site. Grave Goods. 1 – bell; 2 – plaque; 3-6 – pottery; 7 – dagger

Таблица 1. Сводная таблица инвентаря памятников каякентско-хорочоевской культуры Северного Дагестана
 Table 1. Summary Table of Grave Goods from Kayakent-Khorochoy Culture Burial Sites in Northern Dagestan

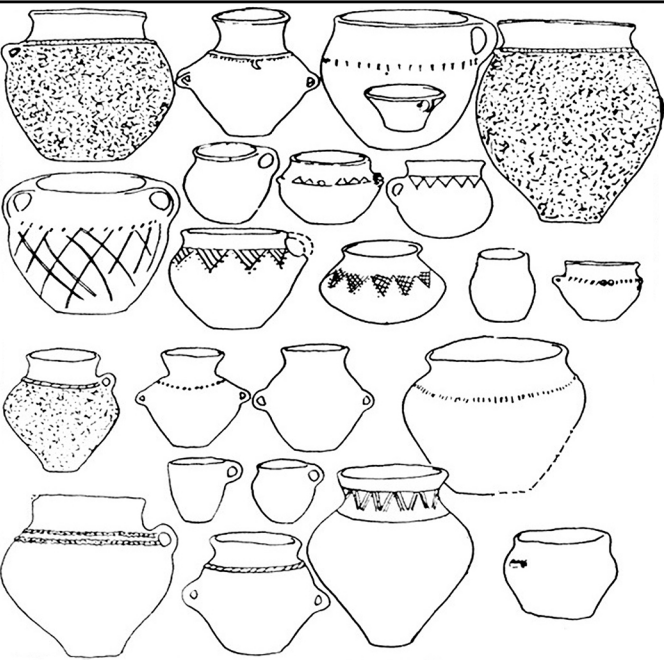
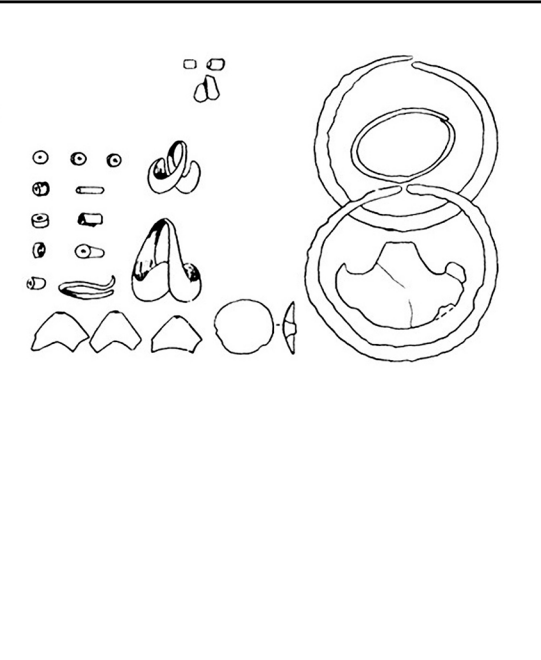
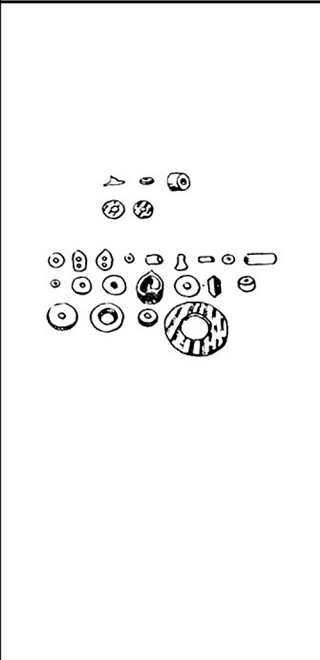
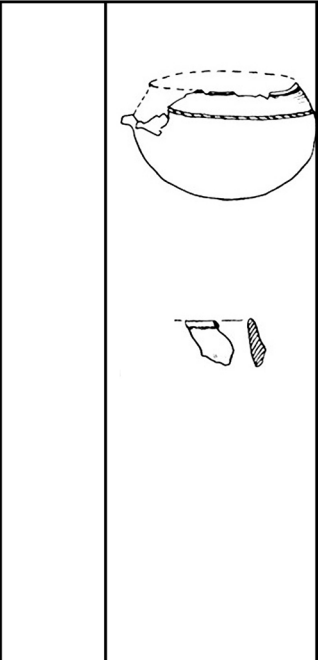
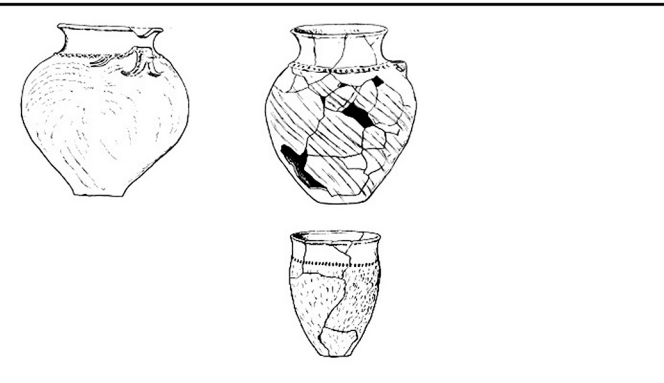
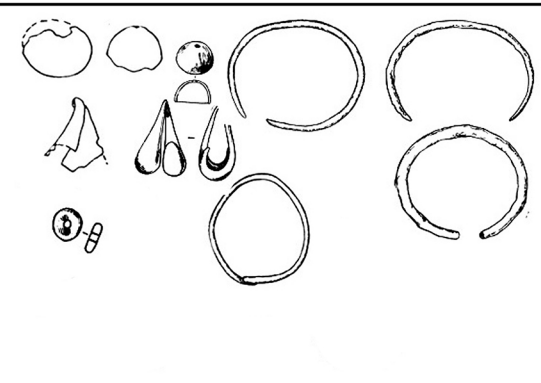

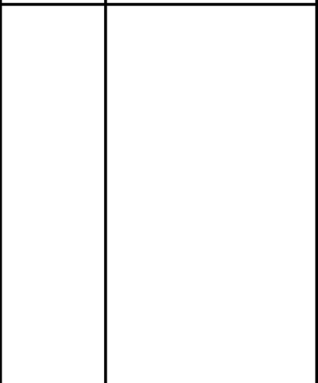
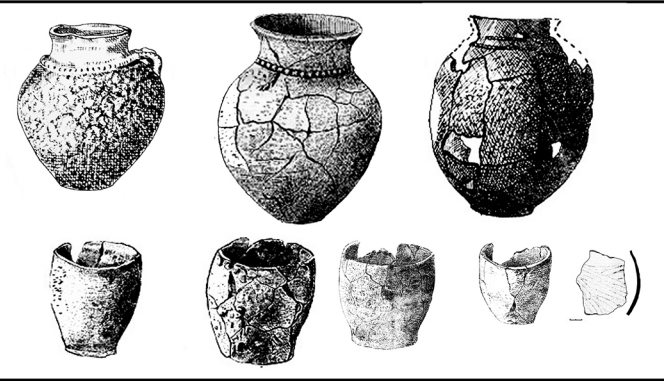
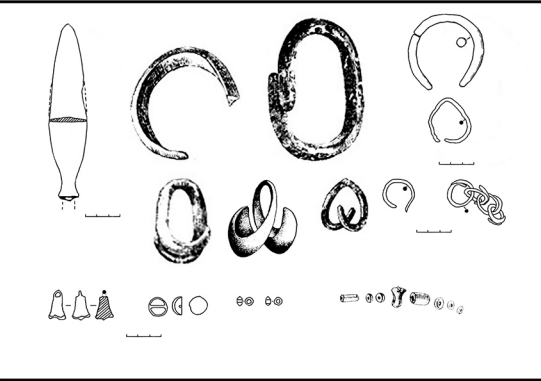
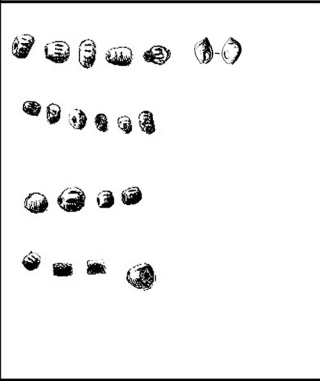
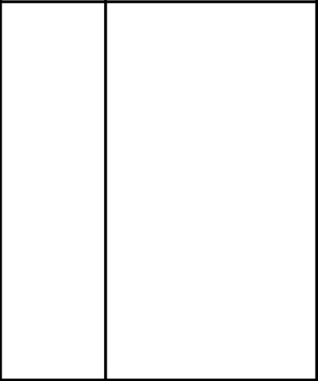
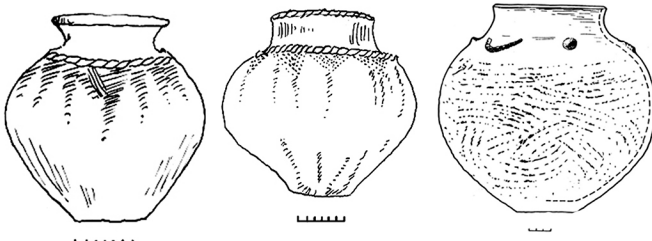

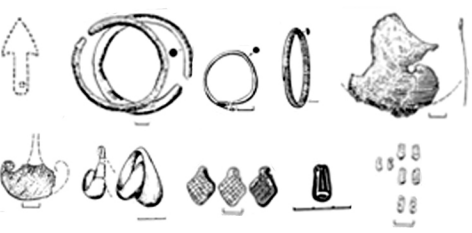

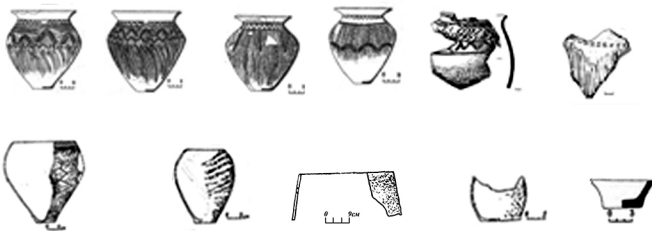
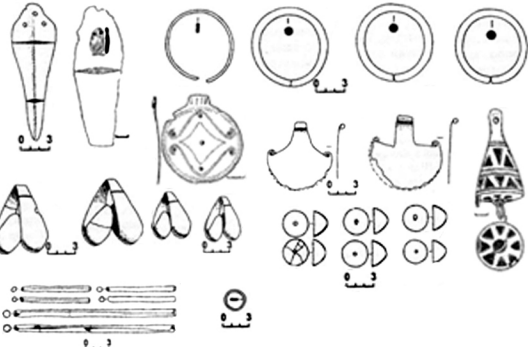

Памятники раннего этапа				
Среднего этапа				
Позднего этапа				

Таблица 2. Сводная таблица инвентаря памятников каякентско-хорочоевской культуры Центрального Дагестана
Table 2. Summary Table of Grave Goods from Kayakent-Khorochoy Culture Burial Sites in Central Dagestan

Памятники раннего этапа					
Среднего этапа					
Позднего этапа					

Таблица 3. Сводная таблица инвентаря памятников каякентско-хорочоевской культуры Южного Дагестана

Table 3. Summary Table of Grave Goods from Kayakent-Khorochoy Culture Burial Sites in Southern Dagestan

Памятники раннего этапа	 				
Среднего этапа					
Позднего этапа					

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 237 с.
2. Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура // МИА № 122. М.; Наука, 1969. 116 с.
3. Корневский С.Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. МАД. Т. 9. Махачкала, 1980. С. 37–45.
4. Корневский С.Н. О металле средней бронзы в горной зоне Северо-Восточного Кавказа // Советская археология. 1986. № 3. С. 5–15.
5. Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // Советская археология. № 1. 1987. С. 145–157.
6. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: (Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала, 1998. 379 с.
7. Исаков М.И. Талгинский могильник // КСИИМК. Вып. 67. 1957. С. 126–132.
8. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.; Л., 1958. С. 51–146.
9. Марковин В.И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // КСИИМК. Вып. 67. 1957. С. 117–125.
10. Магомедов А.Р. Раскопки Тахиркалинского могильника // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. МАД. Т. 9. Махачкала, 1980. С. 46–61.
11. Гаджиев М.С., Кудрявцев А.А. Новый памятник эпохи поздней бронзы Дагестана // Кавказ и Древний Восток. Сборник статей. Махачкала, 1999. С. 148–159.
12. Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969. 178 с.
13. Давудов О.М., Хангишиев Г.Д. Гюхракский могильник // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 49–61.
14. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.
15. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до середины XV в. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1996. 464 с.
16. Марковин В.И. Каякентско-хорочоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 334–355.
17. Бакушев М.А., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Могильник Канабур-Ауз // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 1. С. 81–94.
18. Пикль М.И. Раскопки на Сулаке в 1955 г. // МАД. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 157–174.
19. Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Саидов В.А., Будаичев А.Л. Археологические разведки в Приморском Дагестане в 2007 г. // Вестник Института ИАЭ. 2008. № 1. С. 51–67.
20. Котович В.Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. МАД. Т. 8. Махачкала, 1978. С. 46–76.
21. Котович В.Г., Давудов О.М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // Советская археология. № 4. 1980. С. 38–54.
22. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). Москва., 1996. 164 с.
23. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен (Орудия труда, украшения, предметы культа, посуда:

REFERENCES

1. Kotovich VG. *Problems of cultural, historical and economic development of the population of Ancient Dagestan*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)
2. Markovin VI. Dagestan and Mountain Chechnya in antiquity: Kayakent-Khorochoy culture. *MIA*. 122. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ)
3. Korenevsky SN. About the metal of the Ginchi burial ground of the Middle Bronze Age. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Makhachkala, 1980; 9: 37–45. (In Russ)
4. Korenevsky SN. About the metal of the Middle Bronze in the mountain zone of the North-East Caucasus. *Sovetskaya Arkheologiya (SA)*. 1986; 3: 5–15. (In Russ)
5. Ataev GD. Chirkey Mounds of the Bronze Age. *Sovetskaya Arkheologiya (SA)*. 1987; 1: 145–157. (In Russ)
6. Magomedov RG. *Ginchin culture: mountains of Dagestan and Chechnya in the era of Middle Bronze*. Makhachkala, 1998. (In Russ)
7. Isakov MI. Talginsky burial ground. *Brief Reports of the Institute of History and Material Culture (KSIIMK)*. 1957; 67: 126–132. (In Russ)
8. Kruglov AP. Severo-East Caucasus in II–I millennium BC. Ancient tribes and nationality of the Caucasus. *MIA*. Moscow; Leningrad, 1958; 68: 51–146. (In Russ)
9. Markovin VI. Archaeological finds from the territory of Tarnair (Dagestan). *KSIIMK*. 1957; 67: 117–125. (In Russ)
10. Magomedov AR. Excavations of the Tahirkalinsky burial ground. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Makhachkala, 1980; 9: 46–61. (In Russ)
11. Gadzhiev MS., Kudryavtsev AA. A new monument of the Late Bronze Age of Dagestan. Caucasus and the Ancient East. Collection of articles. Makhachkala, 1999, pp. 148–159.
12. Gadzhiev MG. *On the history of the culture of Dagestan in the Bronze Age: Ginchin burial ground*. Makhachkala, 1969. (In Russ)
13. Davudov OM., Khangishiev GD. Gyukhrak burial ground. *Mountains and plains of the North-East Caucasus in antiquity and the Middle Ages*. Makhachkala, 1991: 49–61. (In Russ)
14. Abakarov AI., Davudov OM. *Archaeological map of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)
15. Gadzhiev MG., Davudov OM., Shikhsaidov AR. *The history of Dagestan from ancient times to the mid-15th century*. Makhachkala: DSC RAS, 1996. (In Russ)
16. Markovin VI. Kayakent-Khorochoy culture. *Archeology. The era of bronze of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1994: 334–355. (In Russ)
17. Bakushev MA., Gadzhiev MS., Davudov ShO. The Kanabababur-Auz burial ground. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2005; 1: 81–94. (In Russ)
18. Pikul MI. Excavations on Sulak in 1955. *MAD*. Makhachkala, 1959; 1: 157–174. (In Russ)
19. Magomedov RG., Gadzhiev MS., Davudov ShO., Saidov VA., Budaichiev AL. Archaeological investigations in Primorsky Dagestan in 2007. *Bulletin of the IHAE*. 2008; 1: 51–67. (In Russ)
20. Kotovich VG. On the determination of the historical place of the Kayakent-Khorochoy culture. *Monuments of the era of bronze and early iron in Dagestan*. Makhachkala, 1978; 8: 46–76. (In Russ)
21. Kotovich VG., Davudov OM. On the periodization and chronology of monuments of late Bronze - Early Iron Age in the North-East Caucasus. *Sovetskaya Arkheologiya (SA)*. 1980; 4: 38–54. (In Russ)
22. Kozenkova VI. *Cultural and historical processes in the North Caucasus in the era of late Bronze – Early Iron Age: nodal problems of the origin and development of Koban culture*. Moscow, 1996. (In Russ)

систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В. 2-5. Т. 5. М., 1998. 200 с.

24. Козенкова В.И. Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. 198 с.

25. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могилище эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа). Вып. III. М.; «Памятники исторической мысли», 2002. 232 с.

26. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: «Наука». Гл. ред. вост. лит.-ры, 1979. 240 с.

27. Техов Б.В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

28. Пичхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тр. Кахетской археологической экспедиции. III. Тбилиси: «Мецниереба», 1979. 194 с.

29. Пичхелаури К.Н. Некоторые спорные вопросы терминологии хронологии и периодизации эпохи бронзы и железа Кавказа // Международная научная конференция. Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, «Меридиани». 2010. С. 243–245.

30. Кавтарадзе Г.К. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 156 с.

31. Рамисвили А.Т. Проблемы археологии финальных стадий эпохи бронзы внутренней (Шиды) Картли. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1998.

32. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Санкт-Петербург, 1996. С. 44–49.

33. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии Восточной Европы эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции: «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 71–82.

34. Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. Archäologie in Iran und Turan. B. 18. Berlin. 2020. С. 405–455.

35. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.). ТД. М., 1996. С. 50–51.

36. Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach D., Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV) // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2000. P. 47–122.

23. Kozenkova VI. The material basis of the life of Koban tribes (tools, jewelry, cultural objects, dishes: systematization and chronology). Western version. SAI. Moscow, 1998; 2-5(5).

24. Kozenkova VI. *The village is a shelter of Koban culture at the village of Sergeni-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus)*. Moscow: Nauka, 2001. (In Russ)

25. Kozenkova VI. *At the origins of the mountain mentality: the burial ground of the Late Bronze Age – early Iron Age at the village of Sergeni-Yurt, Chechnya (materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus)*. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2002. (In Russ)

26. Tekhov BV. *Central Caucasus in the 16th–10th centuries BC*. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1979. (In Russ)

27. Tekhov BV. *Archeology of the southern part of Ossetia*. Vladikavkaz: IR, 2006. (In Russ)

28. Pitzhelaury KN. *Eastern Georgia at the end of the Bronze Age. Reports of Kakhet's archaeological expedition*. Tbilisi: Metzniereba, 1979. (In Russ)

29. Pitzhelaury KN. Some controversial issues of the terminology of chronology and periodization of the Bronze and Iron Ages of the Caucasus. *International Scientific Conference. Archeology, ethnology, folkloristics of the Caucasus. Collection of brief reports*. Tbilisi: Meridiani, 2010: 243–245. (In Russ)

30. Kavtaradze GK. *To the chronology of the era of the Eneolithic and bronze of Georgia*. Tbilisi: Metzniereba, 1983. (In Russ)

31. Ramishvili AT. Problems of archeology of the final stages of the Bronze Age of the Inner (Shida) Kartli (dissertation). Tbilisi, 1998. (In Russ)

32. Trifonov VA. Corrections to the absolute chronology of cultures of the Eneolithic era – Bronze Age of the North Caucasus. *Between Asia and Europe. Caucasus in the 4th – 1st millennium BC*. Saint-Petersburg, 1996: 44–49. (In Russ)

33. Trifonov VA. Corrections to the absolute chronology of Eastern Europe of the Eneolithic era – Middle Bronze Age of the Caucasus, the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe (according to radiocarbon dating). *Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization. Proceedings of the International Scientific Conference: "By the centenary of periodization by V.A. Gorodtsov Bronze Age Southern half of Eastern Europe"*. Samara, 2001: 71–82. (In Russ)

34. Reinhold S., Belinsky AB., Atabiev BKh. The late Bronze Age in the mountains of the North Caucasus and in the surrounding territories. *The Caucasus between Eastern Europe and the Front East: a dialogue of cultures, a culture of dialogue. International Scientific Archaeological Conference and Humboldt-Kolloquium. Archäologie in Iran und Turan*. Berlin, 2020; B. 18: 405–455.

35. Gadzhiev MG., Magomedov RG., Kohl F. On radiocarbon dates for the Bronze Age sites of Dagestan. *Actual problems of the archeology of the North Caucasus: 19th Krupnovsky Readings*. Moscow, 1996: 50–51. (In Russ)

36. Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach D., Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV). *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2000; 6: 47–122.

Поступила в редакцию 13.12.2024 г.
Принята в печать 27.03.2025 г.
Опубликована 15.09.2025 г.

Received 13.12.2024
Accepted 27.03.2025
Published 15.09.2025